

«Фотография – это всегда современное искусство»

Директор-основатель Мультимедиа Арт Музея Ольга Свиблова – об итогах 20-го сезона, интересах молодежи и влиянии технологий на творчество

– Вы завершаете 20-й выставочный сезон. Можете подвести итоги?

– Я горжусь, что у нас повысилась посещаемость. И во многом это следствие ярких проектов, которые мы показали в этом сезоне, выстроив определенную логику. Начали мы с экспозиции Александра Родченко, которого представили во всем его мультимедийном многообразии. Это символичная фигура для нас. Он был одним из первых, кто сформулировал саму идею сочетания в музее разных видов искусства, «мультимедийности» – то, что сегодня нам кажется естественным, но 100 лет назад было в новинку.

А заканчиваем сезон мы важнейшей выставкой Анри Картье-Брессона. И это еще одна ключевая личность для истории МАММ, ведь и музей, и Московская фотобиеннале появились во многом благодаря ему.

– За счет чего сегодня существует музей? Повышение посещаемости влияет на его финансовое положение?

– Безусловно. Благодаря посетителям музей зарабатывает сегодня треть своего бюджета. Еще часть денег дает государство. Но могу сказать, что если мы сопоставим стоимость наших выставочных проектов и те государственные средства, которые выделяются нам на эту деятельность, то дебит с кредитом у нас

не сойдутся даже близко. Поэтому важнейшую роль играют партнеры и наш Попечительский совет. Мы бы не показали экспозицию Константина Бранкузи, если бы фонд «Искусство, наука и спорт» очень быстро не ответил бы «да» на нашу просьбу о помощи. Без помощи наших попечителей музей последние два года вообще не просуществовал бы. И прежде всего пострадали бы наши региональные проекты. Именно благодаря стратегическим партнерам музея мы организовали и продлеваем выставку Картье-Брессона.

– Вы сказали, что Картье-Брессон повлиял на создание МАММ. Каким образом?

– Он вдохновил меня. В 1995 году я уже задумала фотобиеннале, но боялась, что ее организация на топ-уровне потребует у меня не просто много времени, но жизнь целиком. В это же время журнал «Матадор», который тогда выпускал Костя Эрнст, отправил меня в Париж: взять интервью у Анри Картье-Брессона. К тому моменту Картье-Брессон уже лет 10 не давал интервью. Мне удалось встретиться с живой легендой мировой фотографии. Мы разговаривали три часа. Он, в частности, рассказывал про слежку за ним во время визитов в СССР.

В конце интервью Анри подарил мне каталог своих рисунков. Он достал ручку с золотым пером и подправил несколько линий в своих рисунках. Жест был настолько элегантный, что, выйдя с интервью, я как будто летала на крыльях. Решение было принято: биеннале будет! Так эта встреча с Картье-Брессоном оказалась для меня судьбоносной, он зарядил меня огромной витальной энергией. Наша дружба продолжалась до конца его жизни.

– Почему вы, куратор современного искусства, решили делать в Москве фотобиеннале и музей фотографии?

– Потому что в середине 1990-х годов делать что-то в сфере современного искусства в Москве было невозможно. Самые талантливые художники уехали из нашей страны, получив западные стипендии. В этот тяжелый для страны период упал международный

рынок, а собственный еще не сформировался. Государственных арт-институций, готовых работать с современным искусством, еще не было. Но самое важное, что наша публика была совершенно не готова к восприятию contemporary art.

В Советском Союзе легализация неофициального искусства началась только в 1986 году, когда на Кузнецком Мосту прошла XVII Молодежная выставка. После этого в Москве за короткий период в конце 1980-х – самом начале 1990-х проводились важнейшие выставки – например, в ЦДХ была огромная ретроспектива Фрэнсиса Бэкона, о котором я тогда сделала фильм для телевидения (канал его показал, но затем потерял пленки, так у меня его и не сохранилось). Туда же, в ЦДХ, привозили работы Роберта Раушенберга, Гилберта и Джорджа и других. Но как проходили эти роскошные выставки? Открытие посещали 100–200 вернисажных завсегдатаев, а уже на следующий день залы пустовали. Представьте себе: в Москве висел знаменитый «Триптих» Бэкона, который сейчас стоит нереальных денег, и никому он не был интересен!

Именно поэтому я решила, что нужно сделать нечто, что открыло бы «доступный вход» в проблематику современного искусства. Фотография же – это всегда современное искусство. И открытое для всех. Кому-то нравится абстрактная живопись, кому-то – фигуративная, но абсолютно все реагируют на фотоискусство.

– Можем ли мы говорить о «правдивости» фотографии? Или это всё же в первую очередь индивидуальный, предельно субъективный художественный взгляд?

– Безусловно, большие фотографии – это всегда индивидуальная «оптика» и индивидуальный взгляд на мир, который отбирает фрагменты реальности в соответствии с мировоззрением автора. Но вместе с тем фотография – документация события, максимально приближенная к реальности. Словами можно манипулировать, фотографией – сложнее.

Если мы берем историю России XX века, то страна переживала

глобальные катастрофы – Первая мировая война, революция, Великая Отечественная война... Материальный мир и материальная культура во многом оказались разрушены. Фотоархивы тоже погибали. Однако сегодня фотография больше, чем любое другое медиа, сохраняет нам нашу историю, без знания которой невозможно строить индивидуальную и общую стратегию будущего России.

Именно поэтому уже 20 лет – с 1997 года – важнейшей стратегической программой нашего музея является «История России в фотографиях».

Мы надеемся, что этот портал будет неоценимой помощью и для учебного процесса в школах и вузах, и для всех, кому интересна наша общая история, которую мы создаем своими руками.

И мы надеемся, что знакомство с «Историей России в фотографиях» повысит историческую грамотность в нашей стране и исчезнут казусы, с которыми я сталкиваюсь постоянно, общаясь с молодежью. Недавно студенты и выпускники отделений искусствоведения и культурологии исторического факультета МГУ ответили мне на вопрос «Когда умер Ленин?»: «Между 1930-ми и 1960-ми годами». Достаточно просто посмотреть на фотографии этих десятилетий, чтобы понять: даже внешне люди 30-х и 60-х годов выглядели по-разному.

Конечно, возможна ретушь в фотографии. А сегодня – ее компьютерная обработка. И, безусловно, стиль фотографа и то, что попадает в его поле зрения, зависят от общей стилистики визуальной культуры времени. Но так или иначе фотографии остаются свидетельством времени.

Мы гордимся проектом, сделанным в этом году с «Известиями», когда были показаны уникальные архивы издательства, прежде всего фотоархивы «Известий». Они обладают не меньшей ценностью, чем архивы Анри Картье-Брессона – по крайней мере для нашей страны. Благодаря выставке к 100-летию газеты мы открыли фотографа Александра Стешанова, проработавшего в «Известиях» почти полвека. Мы сделали ему в МАММ еще и персональную

выставку, а собрание музея пополнилось его работами.

– На ваших глазах появляются новые поколения зрителей. Как вам кажется, за прошедший с момента создания музея 21 год публика изменилась?

– Публика изменилась. Она попросту появилась. Прежде всего это молодежь – она составляет 75% уникальной аудитории нашего музея. Молодым посетителям интересна как история фотографии, так и современное искусство. Особенно связанное с новыми технологиями. Однако нам есть над чем работать. Например, в Париже, где население в шесть раз меньше, чем в Москве, музейной публики в 10–15 раз больше (я не говорю про наш музей). Значит, надо работать на будущее, надо растить эту публику.

– Какова роль музеев в современном мире? И как музеи должны меняться в будущем?

– Музей как культурная институция – это все-таки про жизнь, что бы мы ни выставляли. Общаясь с искусством, люди общаются сами с собой – им некогда делать это в другое время, потому что они бегут, заняты суетой. Здесь же они могут заглянуть в себя. И это останется. А что изменится? Я думаю, что поскольку вся коммуникация уходит в онлайн, там и будет развиваться искусство будущего.

Я очень люблю проект Юлии Мильнер, который был показан в российском павильоне на 52-й Венецианской биеннале, – Click I hope. Сегодня он уже стал классикой пост-интернет-арта. Но куда бы ни развивалось искусство, а у него есть логика саморазвития, как и у науки, остается надежда, что оно будет объединять людей и по-прежнему сможет заряжать нас позитивной витальной энергией.

Сергей Уваров